

Титова Ольга Анатольевна

МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ КАК ИСТОЧНИКИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АНТРОПОНОМИНАНТОВ

В статье ставится задача рассмотреть фразеологический образ оценочных наименований лиц как результат сложных процессов переосмысления. Основное внимание автор акцентирует на сущности процесса фразеологизации, которая тесно связана с семантической трансформацией исходных словосочетаний в единицы нового качества, обладающие целостным переносным значением. Статья иллюстрирует особую продуктивную роль метафорических и метонимических переносов в образовании антропономинантов. В результате чего фразеологический образ, непосредственно отражающийся в актуальном значении фразеологизма-антропономинанта, способствует структурированию фрагментов языковой картины мира, связанной с новым образным восприятием известных предметов и явлений окружающей действительности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 162-166. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**NATURALISTIC RECONSIDERATION OF HUMBOLDT'S VIEWS ON THE LANGUAGE ESSENCE
BY A. SCHLEICHER, A. HOVELAQUE AND M. MÜLLER**

Stekol'shchikova Irina Vital'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow City University
vasiliy333@mail.ru

The article is devoted to the analysis of naturalistic views of Wilhelm von Humboldt on language from the position of linguistic naturalism, peculiar to August Schleicher, Friedrich Max Müller and Abel Hovelaque. The following questions are analyzed: the concept of language, the essence of language, the connection of language and race, the problem of language as a live organism, the connection of language and thinking. The similarities and differences of the views by Wilhelm von Humboldt, August Schleicher, Friedrich Max Müller and Abel Hovelaque on the above mentioned problems are revealed.

Key words and phrases: language; organism; naturalism; essence; life; race; speech; thinking.

УДК 181.111

В статье ставится задача рассмотреть фразеологический образ оценочных наименований лиц как результат сложных процессов переосмысления. Основное внимание автор акцентирует на сущности процесса фразеологизации, которая тесно связана с семантической трансформацией исходных словосочетаний в единицы нового качества, обладающие целостным переносным значением. Статья иллюстрирует особую продуктивную роль метафорических и метонимических переносов в образовании антропономинантов. В результате чего фразеологический образ, непосредственно отражающийся в актуальном значении фразеологизма-антропономинанта, способствует структурированию фрагментов языковой картины мира, связанной с новым образным восприятием известных предметов и явлений окружающей действительности.

Ключевые слова и фразы: фразеологизм-антропономинант; метафора; метонимия; фразеологизация; архисема; семантическая деривация.

Титова Ольга Анатольевна, к. филол. н.
Московский городской педагогический университет
titov-pv@yandex.ru

**МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ КАК ИСТОЧНИКИ СОЗДАНИЯ
ОБРАЗНОСТИ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АНТРОПОНОМИНАНТОВ**

Идея уподобления одной сущности другой непосредственно коррелирует с феноменом метафоры, которая в последнее время находится в фокусе научных изысканий философов, психологов, лингвистов. Именно метафоре отводится едва ли не главенствующая роль в познании и интерпретации окружающей действительности. Исследования в данной области берут начало с трудов Аристотеля, отмечавшего достоинства использования метафоры не только в качестве украшения речи, но и как средства познания. Существующее разнообразие взглядов на метафору с точки зрения различных наук (философии, логики, риторики, лингвистики и др.) лишь подтверждает сложность и многоаспектность данного явления, загадка которого, по-видимому, далека от своего разрешения.

Являясь орудием языка, с одной стороны, и основным средством мыслительной деятельности, с другой, метафора рассматривалась с разных сторон: в качестве тропа – в поэтике и стилистике, как средство номинации – в лексикологии, как особый вид речевого употребления – в прагматике, в качестве ассоциативного механизма – в психологии и психолингвистике, как способ познания – в философии и когнитивной психологии. Смыслопорождающими истоками в процессах вторичного лингвосомиозиса оказываются опорные для данной лингвокультуры когнитивные метафоры, задающие аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающие более частотные метафоры [12, с. 175].

Обобщенно, в результате действия механизма концептуальной метафоры, осуществляется «перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности» [4, с. 55].

Процесс формирования метафор обусловлен биологической природой человека и его опытом взаимодействия с окружающим миром, физическим и социальным. В связи с этим, как указывают Дж. Лакофф и М. Джонсон, наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорами [5, с. 387]. Еще одна точка зрения на метафору отражена в так называемой «теории концептуального слияния/сплава» (*Conceptual Blending Theory*). Согласно основоположникам данной теории Ж. Фоконье и М. Тернеру, метафора так же, как в теории Дж. Лакоффа, трактуется как концептуальный феномен. Однако предлагаемая Дж. Лакоффом однонаправленная метафорическая проекция из сферы-источника в сферу-цель является, по мнению Ж. Фоконье, лишь частным случаем более сложного комплекса когнитивных процессов. Ученый считает, что основной единицей когнитивной организации является не область, а ментальное пространство, частичная и временная структура репрезентаций, которая образуется в сознании говорящего,

когда он думает или говорит о воспринимаемой, воображаемой, настоящей, прошедшей или будущей ситуации. Ментальные пространства не эквивалентны областям источника или цели, а скорее зависят от них, поскольку представляют определенные сценарии, структурированные данными областями [15; 16; 17].

Фразеологизм представляет собой комплексное сочетание слов, обладающее фиксированным лексико-грамматическим составом, валентными связями, устойчивой семантической структурой, воспроизводится в речи в готовом виде. Фразеологизмы-антропониманты (ФАН) построены на основе исходных словосочетаний, в настоящей статье обозначенных как «атомарные словосочетания» (АСС), которые называют реалии или ситуации предметного мира [3]. Процесс фразеологизации основывается на общих логических и ассоциативных процессах человеческого мышления. Ассоциации, связанные с мирозерцанием, мироощущением, миропониманием, вызывают в нашем сознании некие синтезированные слуховые, осязаемые, зрительные образы, на основе которых воспринимается обобщённое содержание значения фразеологизмов.

Универсальными способами переосмысления исходных словосочетаний, ведущих к их фразеологизации, являются метафора и метонимия. В обоих случаях возникают новые ассоциативно-смысловые связи и отношения, перекраивающие когнитивное пространство, порождающие переосмысление ментального пространства [1, с. 51]. Лингвистические исследования показывают, что метафора является одним из наиболее продуктивных способов формирования знаков косвенно-производной номинации [13, с. 133], поскольку она присуща человеческому мышлению и языку как таковая [2, с. 11].

Метафора способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения некой языковой единицы. Новое метафорически обозначается с помощью известного. Метафора – это базис для совмещения ментальных пространств коммуникантов. Работу мысли приводит в динамическое состояние модус фиктивности, лежащий в основе метафоры, позволяющий уподоблять логически несопоставимые и онтологически несходные сущности, обеспечивающий «фиктивное» восприятие «буквального» значения, вызывающий образно-ассоциативное представление. Мы придерживаемся мнения Г. Н. Складневской и под метафорой понимаем явление вторичной косвенной номинации при сознательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента [8, с. 12]. На основе метафоры новое синтезированное понятие получает форму языкового знака, обладающего только ему свойственной фразеосемемой.

Метафора как модель – продуктивный способ пополнения языкового состава. Об этом свидетельствует типология метафор, предложенная В. Н. Телия, отображающая описание результатов метафоризации. Именно «внутренняя форма» образует, с точки зрения учёного, остов метафоры: идентифицирующая и когнитивная метафоры как два базовых типа, а третий тип – образная метафора. На её почве в совокупности с функцией идентификации или когнитивного отображения действительности, приводящего к формированию нового понятия, образуются оценочная и оценочно-экспрессивная метафоры. Оценочно-экспрессивная, или эмотивно окрашенная, метафора обладает способностью выражать эмоции. Значения фразеологизмов – это значения, сформировавшиеся на базе эмотивно окрашенных метафор с ярко выраженной положительной или отрицательной коннотацией как макрокомпонентом значения, включающем в себя наряду с образно-ассоциативным комплексом, переходящим во внутреннюю форму, эмотивную модальность и стилистическую маркированность [12, с. 178].

Метафорическое переосмысление АСС антропонимантов предполагает глубокое преобразование значения языковой единицы, сопровождающееся выделением метафорообразующего признака, связанного с переносом значения по сходству. Семантическая модификация по сходству внешней формы выявлена нами в антропониманте с эксплицитной интегральной семой «*быть невысокого роста*», вербализующем сочетании внешних данных и поведения: *poison dwarf* (АСС – *вредный карлик, карлица*), придуманный немцами в качестве инвективного прозвища шотландцев, воюющих в Британской Рейнской армии, но вошедшим в активное употребление благодаря Т. Вогану, который использовал его для отрицательной характеристики героини американского телевизионного сериала «Даллас» (1978-1991) [9, с. 398].

Метафорическая модификация обнаруживается во фразе с дифференциальным семантическим признаком «*уклоняющийся от работы, симулирующий*», имплицитно выраженным в ФАН *lead-swinger* – *лентяй, симулянт*. Образный знак отражает стереотипную ситуацию, подвергнутую дискурсивному переосмыслению в этнокультурном сознании, когда моряк бросал лот, грузило из свинца, для измерения глубины воды с судна. Вытягивать же лот из воды было гораздо тяжелее, так что ленивые матросы предпочитали – особенно когда за ними наблюдали – долго раскачивать свинцовое грузило (*swing the lead*), как бы собираясь опустить его в воду: *Being the lead-swinger that he is, Chase nonetheless needs to pop-in to his warehouse now and then* / Чейз – тот ещё бездельник, но даже ему приходится появляться на своём складе время от времени [11, с. 385].

Опорные компоненты-символы в номинациях человека закрепляют в семантике фразеологизмов восприятие предметов и событий, имеющее идиоэтнический характер. Использование таких образов-символов выявляется во фразеосочетаниях, вербализующих непредсказуемость и импульсивность. Для одного образа сравнения может существовать целый ряд прообразов (оснований сравнения, уподобляемых сущностей). Например, для характеристики человека с *непредсказуемым импульсивным поведением* используют ФАН с различными в их основе прообразами: *time bomb* (АСС – *бомба замедленного действия с часовым механизмом*); *loose cannon* (АСС – *пушка, сорвавшаяся с лафета*). Плохо закреплённая на палубе корабля пушка представляла угрозу во время боя или шторма как для команды, так и для самого судна: *We can't trust her to talk to the press – she's a loose cannon* [14] / Мы не можем доверить ей общаться с прессой: она – человек с непредсказуемым поведением. (*Здесь и далее перевод автора статьи – О. Т.*)

Не менее важное место в формировании фразеологического образа отводится метонимическому переносу, который возникает на основе менее сложной, чем метафора, ассоциации по смежности и не затрагивает глубинной сущности исходного значения. «Метонимия – это употребление названия одного предмета

вместо названия другого предмета на основании внешней или внутренней связи между ними» [10, с. 117]. В отличие от метафоры, проявляющейся в языке путём парадигматического преобразования концепта [6, с. 82], метонимия – результат его синтагматической трансформации.

Метонимия во фразеологии связана с переосмыслением первичного десигната. В процессе метонимизации происходит семантический сдвиг компонентов фразеологизма, который влечет за собой смену референта: *head* – интеллектуальная недостаточность/достаточность; *mouth* – словоохотливость, словоблудие. В результате метонимического переноса в процессе фразеологизации архисема АСС выступает в итоге как компонент семантики фразеологизма. При метонимизации архисема и дифференциальная сема значения исходного словосочетания сохраняется, но архисема исходного значения языковой единицы преобразуется в дифференциальный признак нового – фразеологического – значения. Актуализируется одна из потенциальных сем свободного сочетания слов, которая также преобразуется в дифференциальную сему, что ведет к усложнению семантической структуры ФАН по сравнению со структурой исходного словосочетания.

Так, источником образования фразеологизма *bleeding heart* является свободное словосочетание со значением *кровоточащее сердце*. Архисема АСС «центральной орган кровообращения», её дифференциальная сема «нездоровый», потенциальная сема «место сосредоточения чувств» частично теряют свою значимость, обнаруживая иные смыслы: идиома обретает архисему «человек, склонный проявлять излишнее сочувствие к другим». Необходимо добавить, что этот образ кровоточащего сердца нередко связывают с кровоточащим сердцем Иисуса Христа: *the bleeding heart of Jesus* [18].

Фразеологизм *sourpuss*, где субстантив-сленгизм *puss* употреблён в значении *the human face*, базируется на АСС *кислая физиономия* и служит для обозначения *зануды, брюзги*: *What a sourpuss! He makes King Kong look sweet* [Ibidem] / *Что за зануда! Кинг Конг и то выглядит приятнее по сравнению с ним*. В процессе метонимического переноса архисема АСС «передняя часть головы, свободная от головного волосяного покрова», его дифференциальная сема «нетипичное выражение лица», его потенциальная сема «место проявления эмоций» переосмысливаются, в результате чего фразема приобретает архисему «человек, отличающийся мрачным, недобрым отношением к жизни», её дифференциальной семой становится «место, где проявляются эмоции».

Как видно из приведённых примеров, при метонимическом переосмыслении значение свободного сочетания частично сохраняется в образованном на его основе ФАН, что связано с сохранением архисемы и дифференциальной семы его первичного словосочетания. При этом отмечается связь между архисемой первичного словосочетания и дифференциальной семой фразеологической единицы.

По нашим наблюдениям наибольшая продуктивность в формировании номинаций человека свойственна следующим метонимическим моделям:

I. ЧАСТЬ вместо ЦЕЛОГО (*pars pro toto*), или синекдоха, используется в целях идентификации субъекта через указание на характерную для него деталь, отличительный признак. В случае ситуативно обусловленной метонимии изменение ее предметной отнесенности не влияет на нормы грамматического и семантического согласования антропономинанта: ФЕ *a bossy boots* (человек с начальственными манерами, любящий командовать) употребляется для обозначения лица в единственном числе. Это отличает метонимию (синекдоху) от номинативной метафоры, которая согласуется в числе именно с обозначаемым объектом: *an old boot* – о сварливой старухе. Подтипами данной модели являются следующие значения:

1) носитель свойства *часть тела*, с этим свойством ассоциирующийся. В соответствии с первым подтипом метонимического преобразования АСС, значение которого указывает на особенности части тела человека, образуется фразеологическая единица, символизирующая определённую внешнюю черту *spindlelegs* – о долговязом человеке с длинными тощими ногами. Можно предположить высокую продуктивность данной модели метонимической модификации;

2) носитель свойства *вещно-костюмный элемент, предмет обуви*, характеризующий какую-либо деятельность человека: *blue collar* (АСС – синий воротничок) *производственный рабочий*; *hard hat* (АСС – защитный шлем-каска) *строитель, монтажник*. Результатом этой модели метонимического переосмысления является перенос функции предмета одежды на характеристику человека, чаще всего по его отношению к профессиональной деятельности.

II. Модель ОБЪЕКТ вместо ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ реализует агенсно-объектный тип метонимии и используется для замены наименования лица, работающего с тем или иным объектом, на наименование самого объекта: *life couch* – о психотерапевте. Очевидно, считается, что кушетка (*couch*) в кабинете психоаналитика, лёжа на которой пациент рассказывает о своих жизненных (*life*) проблемах, является неотъемлемым атрибутом данной профессиональной деятельности и замещает лицо, занимающееся этой деятельностью.

III. Модель РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ вместо КАЧЕСТВА СУБЪЕКТА: *killjoy* – обозначение лица, чья способность отравлять окружающим жизнь своим нытьём образно выражена идеей *to kill the joy of sth* и метонимически символизирует *нытика*.

IV. БОЛЕЗНЬ вместо БОЛЬНОГО: обозначение индивида, страдающего каким-либо недугом, названием этого заболевания: *mental case* (АСС – невменяемость) – о невротике; *flatfoot* (АСС – плоскостопие) это профессиональное заболевание языковое сознание связывает со службой *патрульного полицейского*, так как он много времени проводит на ногах.

V. МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА вместо ЖИТЕЛЯ: *addle plot* – (АСС – тухлый участок земли) – употребляется для обозначения *нытика-пессимиста*.

Рассмотрим несколько подробнее действие механизма переноса значения. Итак, мы установили, что семантические переносы значения оценочных номинаций человека, образованных в результате переосмысления исходного языкового знака, делятся на метафорические и метонимические. ФЕ *big cheese* актуализирует

сему «влиятельность, важность»: *Roger Daltrey is a big cheese in the trout farming world* [14] / Роджер Далтри – большая «шишка» в разведении форели. Отношения между значением атомарного словосочетания (АСС – *большая головка сыра*) и актуальным значением ФАН («*шишка*»), то есть «значением целого после переосмысления», можно выразить так – $X vs Y$, то есть «либо X , либо Y ». Такой вид логической связки семантически транспонированных знаков В. М. Савицкий называет строгой дизъюнкцией [7, с. 67]. Реальное и номинальное значения у них не совпадают по объёму, или их номинальный и реальный денотаты внеположены.

Действительно, исходя из здравого смысла и стандартных правил семантической комбинаторики, нельзя одновременно быть *большой головкой сыра* и *важной «шишкой»*. Строгой дизъюнкции соответствует в логическом аспекте негативная импликация: «если X , то не Y ». В приведённом примере реализован метафорический вид переноса, основанный на уподоблении реального денотата номинальному.

Метафоризация начинается с допущения о подобии (или сходстве) формирующегося понятия о реалии и некоторого в чем-то сходного с ней «конкретного» образно-ассоциативного представления о другой реалии [12, с. 200]. Актуальное значение фразеологической единицы является результатом сложных процессов в переосмыслении семантики всего АСС и отдельно каждой лексемы, выступающей как семантически опорное слово, обладающее символическим значением. Оценочно-экспрессивные, или эмотивно окрашенные метафоры, к которым мы относим ФАН, представляют собой сложный конструктор. Чтобы обеспечить эмоциональное воздействие весь образно-ассоциативный комплекс метафорической номинации должен осознаваться как живой, что и обеспечивается модусом фиктивности *как если бы X был подобен Y* . Внутренняя форма ФАН *big cheese* свидетельствует, что говорящий относится к обозначаемому метафорического значения, как если бы оно было тем, что соответствует ассоциациям, актуализируемым словом-образом. Мы согласны с В. Н. Телия, что характерное для оценочно-экспрессивной метафоры обращение к квазистереотипу (опорному компоненту-символу) связано с тем, что последний не может ввести в заблуждение именно в силу своей обычности, угадываемости, подлинного его обозначаемого. Поэтому данный тип метафоры так характерен для обиходно-бытовой речи, где преобладает спонтанность выбора при опоре на стереотипы, шаблоны речи и т. п. [Там же].

При образовании метафорических антропонимантов возникает основание сравнения. Либо видовой признак исходного значения, либо его родовой признак, либо его подвидовой признак сохраняется в составе значения после переосмысления исходного знака. Рассмотрим фразеологизм *bad egg* (АСС – *тухлое яйцо*) – *непутёвый, никудышный человек*. Внеположенность объёмов значений обусловлена тем, что один и тот же объект не может входить в оба множества, то есть одновременно быть *тухлым яйцом* и *непутёвым человеком*.

Основанием уподобления является подвидовой признак исходного знака: «*тухлое яйцо*» = «*никудышный человек*»: общий признак *плохой, негодный*. Тот же признак сохраняется в составе значения после окончания процесса метафоризации. По семному составу номинальное и реальное значения у данного фразеологизма пересекаются: то есть сема «*некачественность, непригодность*» является общим признаком номинального и реального значения идиомы.

При образовании метонимического ФЕ *red cap* – *британский военный полицейский* – (АСС – *красный берет*) основание для сравнения не возникает. Внеположенность объёмов значений обусловлена тем, что один и тот же объект не может входить в оба множества, то есть одновременно быть *красным беретом* и *британским военным полицейским*. В составе значения метонимического ФАН происходит замена всех родовых, видовых и подвидовых признаков. При этом корреляция между старым и новым значением сохраняется. По семному составу номинальное и реальное значения у данного метонимического фразеологизма коррелируют: значение «*красный берет*» коррелирует с подвидовым признаком «*имеющий красный берет*» значения «*представитель британской военной полиции*». Британский военный полицейский, одетый в красный берет, – это не объект, входящий в оба множества, а комбинация двух объектов, входящих в разные множества.

Таким образом, анализ приведённых в данной статье примеров убедительно демонстрирует, что выбор имени прообраза мотивирован глубоким содержанием его внутренней формы. На фактическом материале показано, что апеллирующая к семантическому переносу ассоциативная соотнесенность всегда субъективна, но опирается на фоновые знания, сложившиеся в каждом конкретном социуме. Установлено, что метафора накладывает новую категоризацию на исходный объект, подключая к нему новые импликации. Выявлено и обосновано, что метафоризация ведет к полной или частичной замене архисем в семной структуре исходного словосочетания при сохранении его образной структуры. Сущность метонимического переноса состоит в том, что номинальный денотат указывает на реальный, служит его приметой, признаком. Это ассоциативный перенос в означаемое признака ФАН, по которому видовое имя представляет родовое понятие. Через метафору осуществляется связь с национальной картиной мира, создаваемой в результате опыта общения человека с окружающей действительностью, из которого проистекает знание о вычленимых признаках сходства тех или иных сущностей из самых различных сфер жизнедеятельности.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. М.: Академия, 2002. 394 с.
2. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11-26.
3. Кириллова Н. Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 319 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / авт. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996. 245 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры: сборник / пер. с англ. яз. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

6. **Опарина О. Е.** Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1998. С. 81-83.
7. **Савицкий В. М.** Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.
8. **Скляревская Г. Н.** Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
9. **Словарь современного сленга** / Т. Торн. М.: Вече; Персей, 1996. 596 с.
10. **Словарь-справочник лингвистических терминов** / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М.: Просвещение, 1987. 600 с.
11. **Современный англо-русский словарь живого английского языка** / С. В. Семиволкова. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2010. 896 с.
12. **Телия В. Н.** Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-203.
13. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
14. **British National Corpus** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 02.07.2016).
15. **Fauconnier G.** Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190 p.
16. **Fauconnier G., Turner M.** Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22. № 2. P. 133-187.
17. **Fauconnier G., Turner M.** The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. N. Y.: Basic Books, 2003. 440 p.
18. **The Random House Dictionary** [Электронный ресурс]. URL: <http://slovar-vocab.com/english/websters-unabridged-vocab.html> (дата обращения: 02.07.2016).

METAPHOR AND METONYMY AS THE SOURCES OF CREATING THE FIGURATIVENESS OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS-ANTROPONIMANTS

Titova Olga Anatolievna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow City University
titov-pv@yandex.ru

The article sets the goal to examine a phraseological image of evaluative names of persons as a result of complex processes of reinterpretation. The author focuses on the essence of the process of phraseologization which is closely connected with the semantic transformation of initial phrases into units of a new quality with a complete figurative sense. The article illustrates a special productive role of metaphorical and metonymic transfers in enriching language stock. Therefore the phraseological image, which is directly reflected in the actual meaning of a phraseological unit-antropominant, promotes structuring the fragments of the linguistic world-view connected with the new figurative perception of the known objects and phenomena of surrounding reality.

Key words and phrases: phraseological unit-antropominant; metaphor; metonymy; phraseologization; archeseme; semantic derivation.

УДК 8; 811.512.145

Статья посвящена сопоставительному исследованию фразеологизмов сибирских татар с компонентом-соматизмом «голова» как единиц вторичной номинации в лингвокультурологическом аспекте. Особое внимание уделяется семантическому анализу диалектных единиц, которые в настоящее время не имеют лексикографических описаний. Автор приходит к выводу о том, что в культурном пространстве сибирских татар посредством фразеологизмов с компонентом-соматизмом 'паш' «голова» репрезентируется эмоционально-оценочное отношение к внешнему виду и умственным способностям человека.

Ключевые слова и фразы: диалектный фразеологизм; номинация человека; вторичная номинация; сибирские татары; тоболо-иртышский диалект; компонент-соматизм «голова».

Файзуллина Гузель Чахваровна, к. филол. н., доцент
Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал)
Тюменского государственного университета
utgus@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СИБИРСКИХ ТАТАР С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ ПАШ «ГОЛОВА» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Фразеологический фонд татарского языка является ценнейшим материалом для изучения национального своеобразия материального и духовного мира народа. Вопросы татарской фразеологии становились предметом диссертационных исследований многих ученых (А. А. Гимадеева, А. А. Нугуманова, А. К. Хурматуллин, А. Ф. Камалова, Г. Г. Ахмадгалиева, Д. Р. Гайнанова, З. С. Каримова, И. Ж. Едиханов, Л. Р. Гарипова, Л. Р. Сафина, М. К. Юматова, Р. А. Аюпова, Р. Г. Миннихметов, Р. Р. Замалетдинов, Т. М. Гильманова, Ф. Х. Тарасова, Э. Ф. Файзуллина и др. [2; 4; 7-11; 14; 17-20; 24; 25; 29-31]). В центре внимания находятся литературные и просторечные фразеологические единицы в разных аспектах: дискурсивный, идиостилистический (Фатиха Хусни, Мирхайдара Файзи, Аяза Гилязева, Хасана Туфана Каюм Насыри, Шигабутдин Марджани), лексико-грамматический, лексикографический, лингвокультурологический, сопоставительный (татарский, русский, английский), стилистический, терминологический.